

Я, наверное, должен сделать необходимое вступление. Дело в том, что Николай Фоменко больше года практически не общался с журналистами печатных СМИ.

Я чувствовал: ему давно есть что сказать. Театральная работа в "Трехгрошовой опере" Владимира Машкова, фактически первая серьезная кинороль в "Сироте казанской" того же Машкова. Мало кто сейчас замечает за небесспорным феноменом "Империи страсти", "Русских гвоздей" эту сторону его актерской деятельности. А ведь именно с театром и кинематографом Фоменко связывает свою дальнейшую жизнь.

Больше всего я боялся, готовясь к встрече, что разговор перерастет в словесную перепалку, и я, естественно, останусь в дураках, как и большинство героев его передач.

Но, видимо, что-то сложилось на небесах в этот день. В этом интервью не тот Фоменко, которого вы знаете, — кривляющийся и косящий под дурачка. Без трех минут одиннадцать он вышел из студии "Русского радио", где только что закончилась его утренняя программа "Доброе утро, Вьетнам". На все про все у меня было около часа. И я, похоже, уложился.

— Я видел несколько пресс-конференций с вашим участием, на многие журналистские вопросы вы отвечали весьма агрессивно. У вас какая-то личная обида на журналистов или это своего рода имидж?

— Обид нет. Просто нет интереса. Я не могу сказать, что я агрессивен по отношению к журналистам, просто в основной массе среди них, как, впрочем, и везде, очень мало профессионалов. Отсутствие профессионалов — это основная головная боль. Их придет на пресс-конференцию человек 50. Они все знают: вот, явится Коля Фоменко. А чем занимается Коля Фоменко конкретно, они не знают. Они не все слышали, не все видели. Не подготовились — это называется. Они прочитали интервью в журнале трех-пятнадцатилетней давности и снова "садят" в интервью те же вопросы. Представляешь, сколько я надавал за жизнь этих интервью. И все про одно и то же.

— Вы говорите, что очень мало профессионалов. Но ведь кто-то же есть? У вас есть среди журналистов друзья? Или это волки, с которыми лучше не дружить?

— Фамилии назвать? Есть люди, которые мне нравились. Женя Федоров, когда-то давным-давно. Я даже не знаю, чем он сейчас занимается. Или, предположим, Евгений Додолев. Но это все-таки прыжки десятилетней давности. Все это давно было. Кто сегодня пишет? Так, чтобы было интересно. Не знаю...

— Мне кажется, изначально вы относитесь к участникам своей программы "Империя страсти" с откровенным сепаратизмом. Что это за контингент? Что движет ими?

— Там есть несколько категорий людей. Некоторые идут просто за тем, чтобы получить компьютер, некоторые идут за тем, чтобы показать себя. Условно говоря, как в "Знаке качества". Но чаще всего попадают люди с ироничным отношением к жизни. И это очень ценно, как мне кажется. Программа-то пародийная. Это пародия на наше телевидение, на нашу жизнь, на все, что угодно.

Ведь можно понять, что программа не эротическая. Если бы мы делали эротическую программу, мы бы позвали девушек из "Рэд старс", мы бы их раздели, ураганно сняли — с двадцати точек, с другой декорацией. И они бы были в таком белье, что можно с ума сойти. Но здесь мы специально демонстрируем полное и ироничное отношение к жизни. Люди в это чаще всего вписываются и быстро ловят стиль.

Ведь на самом деле ничего страшного в публичном обнажении нету. На пляже все голые ходят. И видят их там много тысяч людей. Ну, давай почесаться. Любимый пляж в Греции, Испании, в Серебряном бору. Минимум треть, а то и половина девушек будут на нем без верха. Причем любого возраста, без стеснения, и никто пальцем на них не показывает и не краснеет. Мне кажется, что в этом нет никакого криминала.

Потому что вообще необходимо движение. Человек делает какой-то акт. Не просто говорит испуганно по телевизору: "Здравствуйте". Эти люди сразу попадают в экстремальную ситуацию. У них не остается в затылочной части, в подкорке, мысли о том, что за ними смотрит вся страна. Они втягиваются в эту смешную дурацкую игру — а она действительно дурацкая. Это надо было сумасшедшим, чтобы серьезно бросать яйца или на веревочке рыбку ловить.

Но говорить о том, что туда приходят нездоровые люди, нельзя. Они как раз переламывают в себе что-то, чтобы ощутить себя личностью и избавиться от этого чувства стабильности. Чтоб не как американцы, которые все ходят стадами.

— Не уважаете американцев?

— Да я никак к ним не отношусь. Потому что, когда я общаюсь с серьезными американцами — деятелями искусства, еще чего-то, то они действительно говорят очень страшные вещи. "В нашей стране двигают всем пять человек. Один человек занимается автомобильной промышленностью, один — космической, один — художественным кино".

У них же достаточно тоталитарное государство. Туда нельзя, сюда нельзя. То есть демократия перевесила в другую сторону. Я сейчас достаточно сумбурно об этом говорю, но, если разобраться поглубже, это тот же самый Советский Союз, который был, только, наверное, еще хуже. Это мое впечатление.

— Ваша работа с Владимиром Машковым? Сперва театральная "Трехгрошовая опера", потом кино — "Сирота казанская". Вы просто друзья, или это нечто большее, из дружеских взаимоотношений переросшее уже в творческий союз?

— Я думаю, можно сказать, что мы друзья. Несмотря на то, что сейчас очень редко видимся, потому что очень много работы. И у меня, и у него. Он очень много снимается, я тоже сейчас собираюсь сниматься. Но есть одна очень тонкая вещь. Мы не путаем никогда божий дар с яичницей. Тот человек, который распространяет дружбу на работу, заранее обречен.

Володя режиссер, а я актер — мы с ним не расставались до шести утра, — но в одиннадцать у нас репетиция, и никому не будет заметно, что мы не спали. Режиссер работает с актером, и никакой дружбы здесь нет. Это жесткая армейская профессия. На время репетиции спектакля, съемки, мы — никакие не друзья. Я подчиненный и должен выполнять все, что бы он ни говорил, как бы он себя ни вел.

Дело в том, что просто непрофессионально

распространять дружбу на рабочие моменты. Я должен сам думать. Если завтра съемочный день, а я еду выпивать, валяться, колдобиться или куролесить, а утром придю неготовый к работе, то лучше я не поеду куролесить.

— Роль в "Сироте казанской" писалась под вас?

— Я не смею думать, что специально для меня, но думаю, что специально для меня. Эта история была придумана Аликом. (Автор сценария "Сироты казанской" Олег Антонов. — Прим. авт.) Сначала как пьеса, потом ее раскрутили и решили сделать кино. На кухне у Игоря Толстунцова. (Ген. директор киноконпании "НТВ-Профит". — Прим.

авт.) Я могу похотеть, рассказать веселую историю, но продолжать специально веселить окружающих меня в жизни людей... Мне это не особенно нравится. Я уже прошел через это.

— Сколько длится ваш рабочий день? Или когда человек занимается тем, что ему интересно, время не в счет? Удастся хоть выспаться?

— Это моя мечта. Если у меня есть полный выходной день, я его весь могу проспать. Целиком. Это для меня единственная система восстановления.

Я не забиваю гвозди с утра до вечера на конвейере с перекошенным лицом. Нет, конечно. Я занимаюсь тем, что мне по душе. Естественно, в большей или меньшей степени. Бывает: тебе уже не нравится, а надо продолжать работу. Вначале нравится всегда. Сам факт. Я не могу сказать, что обожаю то,

как, что позвал такого человека. Но если уж позвал, то будь любезен... Каждый на своем месте.

Если меня зовет режиссер, я должен выполнять только то, что он говорит, больше ничего. А не приходить к нему и говорить. (Он первый раз становится похожим на привычного всем Фоменко, корчит рожи и изображает такого горе-актера: "Вы знаете, вот здесь — в этой роли он немного скорбит, и после того, как он немножко скорбит, он немножко удивляется.") Это же абсурд. Есть конкретный режиссер. У него свое видение, я к нему пришел и сказал: "Да". Я буду у вас сниматься. Он отвечает за все. Другой вопрос, если у меня не получается выполнить его требования, тогда я не артист.

— Существует ли для мужчины какая-то возрастная ступенька, через которую он перешагнул и... отстал от жизни?

— По моим впечатлениям, самый опасный мо-

авт.) Я знал, что буду сниматься в этой картине, еще когда все писалось.

— Вы сказали, что у вас впереди новые съемки. Об этом что-то можно рассказать?

— Да, я начинаю работать в картине Васи Пичула (создатель "Маленькой веры"). — Прим. авт.) "Небо в алмазах". В конце апреля начинаются съемки. Мы один раз с ним встречались, и он сделал мне предложение. Я не очень вдавался в подробности, только сделал пластический грим.

— Это эпизодическая роль?

— К сожалению, это самая главная роль. Длинная, на всю картину. Много в этом году будет разного. Запустим еще один проект на "НТВ-Профит". Картины три, наверное, будет.

— Резкий переход от музыки к кино и телевидению был для вас болезненным? Ведь так быстро в жизни ничего не случается. Видимо, каждый должен пройти через какие-то этапы?

— Я профессиональный драматический актер — это моя основная профессия. У меня этого не было. Я всегда делал то, что мне хотелось в данную секунду. Я знаю, что основная моя профессия никуда от меня не денется. Да, я уверен, что могу показаться в любом драматическом театре, и у меня будет достаточно много шансов быть туда принятым. Я могу, конечно, ошибаться, но у меня именно такое ощущение.

Это можно было сделать и десять лет назад — после института я сразу работал в одном театре, другом. Но мне хотелось свободы, и у меня было шило в заднице. Я хотел играть рок-н-ролл. Вот мы в "Секрете" заиграли рок-н-ролл. Мы его поиграли какое-то время, доказали сами себе, что можем в этой стране на первом номере играть. Все. Дальше поехали. Телевидением занимаюсь потому, что у актера всегда есть потребность некоего выхода. Ему нельзя сидеть в малой форме. Все, что делается на радио и телевидении, это мой собственный тренинг. Поставленный в правильное русло. Больше ничего.

А предложений театральных много — хороших мало. Поэтому выжидаешь всегда и ищешь точного попадания.

— А у вас была какая-то кличка в детстве?

— Фома и Фома. Ну там были всякие промечтучные. У Ленина до неизвестно чего.

— Почему Ленин?

— Я вообще-то диктатор. Должен всем рассказывать, как все должно быть. И по-другому не может быть. Сила внутренней убежденности была во мне огромной.

— Профессиональные шутники в жизни достаточно грустные люди...

— Оголтело дома шутить бессмысленно — у меня достаточно много энергии выходит наружу на работе. Но с артистами такое часто случается. Не хватает большого количества внутренней работы. Кажется, что ее много по факту. Много фильмов, много спектаклей, но они все равно везде поддерживают свой имидж, весело шутят, остроумствуют.

Нельзя мне назвать грустным человеком, но я все же сберегаю свои силы для работы. Я адек-

что я делаю, в том смысле, как здорово я это делаю. У меня претензий к себе миллион. Бесконечных. Но сам факт запуска. Новая программа. Новая картина. Новый спектакль. Это все интересно. Но потом начинается поток. 50-й, 100-й спектакль — уже не то.

Я чувствую, что надо уходить, но еще надо некоторое время терпеть, потому что существуют всякие бумажные истории, даже не контракты, а обязательства перед людьми, которые потеряют из-за этого работу. На этом все завязано. То же самое с "Империей страсти" — я бы сейчас ее закрыл, но уйдет она из эфира только в сентябре.

— Помимо того, что вы активно занимаетесь творчеством, вы еще, судя по всему, успешный бизнесмен, удачливый продюсер. "Перехват", "Золотой граммофон". Что для вас бизнес? Это попытка быть самостоятельным?

— Назвать меня бизнесменом, к счастью, нельзя.

— То есть вы даже не являетесь совладельцем какой-нибудь фирмы?

— Есть организация — производящая компания "ТВФ", но я не являюсь в ней главным человеком. В ней есть люди, которые занимаются продвижением в финансовом смысле моих идей и проектов. Это, безусловно, развязанные руки. Мы очень маленькая организация, но тем не менее делаем достаточно большие вещи. Смешно, когда один человек приходит и говорит: "Здравствуйте, у меня есть гениальный проект".

Если бы я был один и думал обо всем этом... Я без своей команды не могу ничего. Она планирует все, вплоть до того, как мой день строится. Это не пафос, но я действительно очень занят. Сейчас, в 12, я еду в одно место, в 2 часа у меня еще одна встреча, в 5 часов — еще где-то. Это конкретная работа, и она планируется не мной.

Мне разговор о деньгах понятен. Это сюда, это сюда. Но когда доходит до конкретных переговоров — я мыльный пузырь. Это надо осознавать. Говорят, Фоменко работает во все стороны. Но все, чем я занимаюсь, направлено в одну сторону. Я актер. Я работаю на радио, на телевидении, в кино и в театре. Вот и все мои профессии. Прямая моя обязанность. Раньше ведь тоже все артисты с утра на радио, днем — на репетиции, в середине дня — кино, вечером — спектакль. И никто на это не обращал внимания. Все артисты так работают.

Единственное, что с этой жизнью у меня не связано, — это автоспорт. И все. Больше у меня нету ничего. Если я ползу в деньгах, то сойду с ума.

— А вас не привлекает возможность контрролировать весь творческий процесс?

— Это абсурдно. Объясню. В погоне за этим успеаешь качество. Как я могу знать, как я играю, если я режиссер? Поставил камеру. Мы решили с оператором, какой будем снимать план. Поставили другого человека, посмотрели, какая крупность. После этого я побежал туда, встал, сыграл. Вернулся назад, посмотрел по мониторам, как это сняли.

Представляешь, я позвал оператора и начинаю ему говорить, это не так снимается. Тогда зачем я его звал? Встань сам за камеру и смотри. Если я позвал плохого оператора, значит, я сам ду-

мент в жизни мужчины — это полтинник. Потому что в 50 жизнь мужчины или заканчивается, или только начинается. Это уже зависит от мужчины. Заканчивается основной прайм-тайм, который начинается в 32-33 года. В этом возрасте у актеров начинается творческая жизнь, потому что, даже если ты гипергениальный, все, что ты ты делал до этого, про тебя будут говорить, что ты просто молодой хороший мальчик.

В принципе Леонардо Ди Каприо играет как бы на своем месте. Но представляешь, я бы играл Гамлета в двадцать шесть лет. Гениально бы его играл. Разбился бы в доску. А все бы сидели и говорили: "Какой талантливый мальчик". А ведь так и было в свое время. Это стенка, которую не преодолеть просто из-за отсутствия жизненного опыта, этих слоев лет не накопившись.

Я и в 20 лет умом понимаю то, что и в 30 или 35. Но я это не прожил. Энергия совершенно другая. Вес ее другой. Вспомни Евгения Евстигнеева. Особенно когда показывают его старые фильмы. Виден рост актера от начала до конца. Та же самая техника, те же самые приемы. Но взгляд стал настолько тяжелее. Столько в этом второго плана, который цепляет по-настоящему.

— Вы часто посещаете родителей?

— У нас дружная семья. Либо я — к ним, либо они — ко мне. Мама вчера уехала, придет скоро. Папа был четыре дня назад. Я был на днях у них в Питере.

— Я слышал, вы живете под Москвой на даче.

— Да. Но только в доме отдыха. У нас нет дачи. (Видит мое удивленное выражение лица.) В доме отдыха — на самом деле. Чтобы маленькая дышала свежим воздухом.

(Два месяца назад у Николая Фоменко и Маши Голубкиной родилась девочка. Назвали они ее Анастасией.)

— Вы крестили свою дочь. Для вас это всего лишь традиционный обряд или вы видите за этим нечто большее?

— Я не могу сказать, что я сумасшедший ортодокс. Но я хожу на праздники в церковь. Для меня лучше, когда я хожу в церковь, чем не хожу. Может быть, наивные приметы. Я не буду сейчас долго обсуждать культовые отправления. Все что угодно можно говорить про сегодняшнюю церковь, но храм, как и любая игра, — тебя собирает внутренне. Даже если считать церковь не настоящей, а игрушечной, там есть подтверждение каким-то странным вещам.

Там все равно что-то происходит. Пришел и почувствовал себя, как в хорошем театре. Знаешь, когда занавес открывается, и оттуда р-р-р-аз, как дохнуло... Происходит что-то, ничего с этим не сделаешь. Любого человека, даже если он циник и не верит в это, все равно прошибает.

Было бы странно, если бы все крещеные, все православные, не стали бы своих детей крестить. Меня хранит крест. В любом случае я его никогда не снимаю. Более того, везение всегда присутствует.